

АНАТОЛИЙ

2 × 2 = 4

СТИХИ

ШТЕЙНГЕР

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕРИЯ «РУССИКИ»

Выпуск 1.

АНАТОЛИЙ ШТЕЙГЕР

$2 \times 2 = 4$

Стихи 1926—1939

АНАТОЛИЙ ШТЕЙГЕР

$2 \times 2 = 4$

С Т И Х И
1926—1939

Биографическая заметка
А. ГОЛОВИНОЙ.

Предисловие проф. Ю. П. ИВАСКА.

RUSSICA PUBLISHERS, INC.
NEW YORK • 1982

“RUSSICA” POETRY SERIES
Volume 1.

SHTEIGER, Anatolii Sergeevich.

$2 \times 2 = 4$.

Stikhi 1926—1939. (Poems, 1926—1939).

Biographical note by A. Golovina.

Preface by Prof. George Ivask.

Cover design by Vagrich Bakhchanyan.

Library of Congress Catalog Card Number: 80-54026

ISBN: 0-89830-029-0

© 1981 by RUSSICA PUBLISHERS.

All rights reserved.

RUSSICA PUBLISHERS, INC.

799 Broadway

New York, N. Y. 10003.

Анатолий Сергеевич Штейгер родился 7 июля 1907 года в отцовском имении Николаевка бывшей Киевской губернии. Семья Штейгеров принадлежала к старинному швейцарскому роду, одна из ветвей которого поселилась в России еще в начале 19-го века.

Его детство протекало летом в украинской усадьбе, зимой — в Петербурге-Петрограде, а затем — в Константинополе. Шестнадцати лет Анатолий начал самостоятельную жизнь. Судьба привела его сначала в Германию, а потом — в Париж, где он провел несколько лет и куда постоянно наезжал в предвоенные годы.

Путь в литературу он начал несколько необычно, — уже в раннем возрасте он пробовал писать исторические романы, которые несли на себе естественную печать детскости. Но с 16—17-ти лет он всецело посвятил себя поэзии. Среди его глубоких поэтических привязанностей — А. Блок и О. Мандельштам, Г. Иванов и А. Ахматова и, конечно же, Марина Цветаева, с которой он состоял в недолгой, но чрезвычайно интересной переписке.

Как человека утонченной культуры его одинаково привлекали и старина, и искусство, и экзотика, и природа. Совершенно естественно при этом, что так называемый «новый мир», будь то коммунизм в России или фашизм в Германии, вызывали у него поначалу грустную иронию, а под конец — ужас и отвращение.

У него, одновременно замкнутого и общительного, было мало близких друзей, но принимали его повсюду, и дружил он с людьми всякого звания и национальности.

Его короткая жизнь была часто мучительной и трудной, но всегда — на редкость насыщенной. «Все столицы видели бродягу», — писал он, — но ему были знакомы и старинные итальянские города, и албанская экзотика, и бессарабская или чешская деревня. Только война и болезнь заперли его в Швейцарии в последние годы жизни. Свою смерть он предвидел и предсказал. Умер А. С. Штейгер 24 октября 1944 года и погребен в Берне в общей могиле с отцом и матерью.

Настоящее собрание стихов было им самим подготовлено во время войны, когда, подавленный происходящим, он сознательно отказался от творчества.

А. Головина.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В поэзии Анатолия Штейгера нет ничего стихийного, песенного. Никак нельзя назвать его певцом. Он не позволял себе чем бы то ни было увлекаться, упиваться. Аскетически избегал ярких метафор, хитроумных неологизмов и «бросающейся в уши» звукописи. Никогда не экспериментировал, довольствовался традиционными метрами, рифмами и общепринятой грамматикой.

Штейгер лучше других эмигрантских поэтов 30-х гг. выражал парижскую ноту своего учителя и близкого друга Г. В. Адамовича, который постоянно повторял: пишите проще, скромнее, и всегда о самом главном, в особенности об одиночестве, страдании, смерти. Он рекомендовал поэтам т. н. младшего поколения эмиграции (родившимся между 1900—1910 гг.) отказаться от всех «громких слов», от риторики, декламации и всякой ухищренности: зачем им ораторствовать и не к лицу им модничать. Адамович утверждал: на чужбине, в нищете, мы лишились всех политических и поэтических иллюзий, но, может быть, лучше, чем сытый и с жиру бесящийся Запад, поймем последнюю правду о человеке. Пусть мы неудачники, но на поверку каждый человек тоже неудачник — одинок, несчастлив, смертен...

К поэтам Адамович был более требователен, чем

к прозаикам. В своей книге «Комментарии» он писал: нужно, чтобы в поэзии «всё было понятно и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный холодок... Поэзия в далеком сиянии своем должна стать чудотворным делом, как мечта должна стать правдой». Если это невозможно, то можно обойтись без поэзии. «Виньетки и картинки, пусть и поданные на новейший сюрреалистический лад, нам не нужны».

Эти цитаты оправданы тем, что и сам Адамович считал: Анатолий Штейгер (наряду с Лидией Червинской и, позднее, Игорем Чинновым) лучше других его понял, и стихи Штейгера наиболее приближаются к установленному им «канону» или «идеалу» поэзии. Многие современные стихотворцы и стихолюбы с Адамовичем не согласятся, и штейгеровские стихи покажутся им бедными, бледными. Нет в них оркестровки Блока и более близких нам поэтов — Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, говоривших во весь голос и игравших на многих инструментах, но, может быть, читатели услышат и тихую флейту Штейгера. Слабые звуки в музыке и поэзии не заглушаются громкими...

Анатолий Штейгер — мастер коротких, даже кратчайших стихотворений. Лучшие из них легко заучиваются наизусть. Вот только пять строк:

Мы верим книгам, музыке, стихам,
Мы верим снам, которые нам снятся,
Мы верим слову... (даже тем словам,
Что говорятся в утешенье нам,
Что из окна вагона говорятся...).

Первые два с половиной стиха — поэтические, мелодические, а следующие за ними (той же длины) подрывают романтику горькой иронией, взятой в скобки — это очень характерный для Штейгера прием. Ведь и

Адамович, мечтавший о невозможном чуде в поэзии, едко высмеивал всякое поэтическое легкоеверие, чрезмерный энтузиазм, мнимый экстаз.

Восьмистишие с эпиграфом из Иннокентия Анненского, любимого поэта и Адамовича, и Штейгера. Там вздох о детстве — когда нас берегли, рассказывали нам басни, «учили верить в Бога». А теперь мы взрослые:

И надо жить, как все, но самому
(Беспомощно, нечестно, неумело).

Опять ироническая скобка, где выделяется наречие нечестно. Нечестность — порок, но в сопоставлении с беспомощностью, неумелостью, вызывает жалость к слабому человеку.

Штейгер мог бы повторить слова Розанова в последней записи Уединенного: «Никакой человек не достоин похвалы. Каждый человек достоин жалости».

Мы живем в жестокий век и жалость выходит из оборота в палаческом жаргоне современных власть имущих извергов: они не только владеют, но и воспитывают целые народы: приучают к безжалостности и лжи. Жалость выпадает и из словаря некоторых новых «метафизических» поэтов, которые иногда прославляют Бога с чертами тирана-самодура, как и многие кальвинисты, и при этом забывают: суровый ветхозаветный Иегова не только мучил, но иногда и жалел избранный Им народ.

У Штейгера острая, хотя и бессильная жалость, без опоры в вере, да еще с иронией — пусть и горестной иронией, но и его тихий укор обличает жестоких политиков и жестоких «метафизиков».

Жалость укоренена в совести и, за немногими печальными исключениями, одушевляла русскую литературу. Даже Маяковский, воспевавший чекиста Феликса Дзержин-

ского, жалел хотя бы лошадей.

Не было у слабого Штейгера пророческого негодования и пророческих упований. Он мал и не удал, но есть у него свое небольшое, незаметное, но заслуженное место в русской поэзии.

Любовь: великое, но искалеченное слово... Французы говорят: любовь можно делать, и известно что это значит.

О любви Штейгер писал не меньше, чем о жалости. Вот еще одно его легко запоминающееся пятистишие:

У нас не спросят: вы грешили?
Но спросят лишь: любили ль вы?
Не поднимая головы,
Мы скажем горько: — Да, увы,
Любили... как еще любили!..

И здесь ирония: если бы мы по-настоящему любили, незачем было бы опускать голову и горько сетовать. Слишком часто и притворство «любовью звалось». Какая же любовь истинная: без лжи и похоти? Ответ хотя бы в этом стихотворении о любви:

Здесь главное, конечно, не постель...
Порука: никогда твое не снится тело,
И значит, не оно единственная цель...
Об этом говорить нельзя, но наболело.

Истинная любовь — нежная, жалеющая, самоотверженная. Она —

Чем больше отдает — тем глубже и сильнее.

Это подытоживающее стихотворение — очень уж

рассудительное... Но Штейгер рассудочным не был. Знал он и страстные увлечения, хотя бы какой-то «синей рубашкой». Ему было что в себе преодолевать. Куда значительней этой декларации его элегические (батюшковские) александрийские строфы о братской любви, но и с оттенком влюбленности:

Чтоб так, плечом к плечу, о борт облокотясь,
Неведомо зачем плыть в море ночью южной,
И чтоб на корабле все спали кроме нас,
И мы могли молчать, и было лгать не нужно.

Облокотясь о борт, всю ночь плечом к плечу,
Под блеск огромных звезд и слабый шелест моря...
А долг я заплачу... Я ведь всегда плачу.
Не споря ни о чем... Любой ценой... Не споря.

Какая это уплата долга? Не значит ли это, что мы расплачиваемся не только за зло, но и за добро: ведь то и другое карается неизбежными страданиями и окончательной смертью. Здесь напомним: Штейгер медленно сгорал от чахотки и ему всё было вредно — и за какое-нибудь резкое движение ему приходилось платить кровью (кровохарканьем).

Пессимизм Штейгера... Но по самой своей природе поэзия «не может быть полным отрицанием (...) Она — как свет по отношению к тьме», писал Адамович в предисловии к антологии «Якорь». Не значит ли это: есть в поэзии — скажем по-старинному — красота, которая зла и смерти не отменяет, но исключает их из своего мира. И в стихах «пессимиста» Штейгера — пусть и слабо, сияет свет, и слышится тихий напев флейты.

Нельзя говорить об Анатолии Штейгере, не упомянув о Марине Цветаевой.

В 1936 г. Марина Ивановна проводила лето в Савой-

ских Альпах и к ней обратился с письмом Штейгер, лечившийся в швейцарском санатории.

Он «просил ее дружбы и поддержки «на всю оставшуюся жизнь» и говорил о преследующем его страхе смерти» (Марина Цветаева, Избр. произведения, М., 1965, стр. 761).

Марина Ивановна сразу откликнулась. Завязалась переписка. Ей хотелось ободрить Анатолия. Но что-то Штейгера отпугнуло: стихия женственности была ему чужда, и (как Адамович) не отзывался он на цветаевскую героическую поэзию высоких страстей, на все ее громы и молнии. Правда, ему льстило внимание большого поэта и он, следуя ее советам, внес некоторые поправки в свои стихи. Позднее, при встрече в Париже, Цветаева была разочарована и писала мне: «с ним (Штейгером) трудно потому, что он ничего не любит, и ни в чем не нуждается. Всё мое — лишнее... Дать можно только богатому и помочь можно только сильному — вот опыт всей моей жизни — и этого лета» (18 дек. 1936 г.). Но тем савойским летом Цветаева поняла в Штейгере главное: он несчастен, болен и вот по-матерински его жалея, но и влюбленно лелея, она посвятила ему «Стихи сироте»:

Всей Савойей и всем Пиемонтом
И — немножко хребет надлома —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

Какой здесь поток поэзии, льющейся вширь и ввысь! Штейгер в санатории нуждался в материнской ласке, но не во влюбленной нежности. Его могло испугать в этих стихах грандиозное географическое объятие. Да, жалеет, прославляет, но вдруг сомкнет руки и от меня мокрого места не останется... Не знаю: так ли было, но так могло бы быть.

За год до этого Цветаева посвятила стихи-гимны рано погибшему (на станции парижского метро) поэту Николаю Гронскому (1909—1934), дружившему с ней и близкому — в поэзии. Так она его посмертно благодарила:

За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных — замертво пасть меж стен —
Не дам тебе — умереть совсем!

Гронского Цветаева влюбленно усыновила. Видела в нем смелого верного рыцаря, одаренного ученика в поэзии и прославила органичными стихами, но, вопреки своему опыту («помочь можно только сильному»), все-таки помогла жалостью слабому Штейгеру, о котором писала мне: он «обратное Гронскому». И свое лирическое «верхнее до» взяла в стихах о Сироте — Штейгере — с его столь чуждой ей парижской нотой. Не потому ли, что она была уже не нужна смелому, но мертвому Гронскому, а у умирающего и еще живого Штейгера была «смертная надоба» в ней.

Тем горше было разочарование, когда на поверку оказалось, что она ему больше **ненадобна**. А летом 1936 г. они были нужны друг другу и эта дружба останется в поэзии.

Созданный Цветаевой миф о Сироте имеет что-то общее с другим ее мифом в поэме «Царь-Девница», с которой она себя несомненно отождествляла — и там эта монументальная героиня жалеет и отпускает на волю не давшего ей в руки слабого Царевича. Цветаеву часто привлекали отвергающие ее слабые герои.

Вопреки всем недоразумениям в плане житейском, Цветаева вознесла Штейгера в какие-то высшие сферы, и оба они нераздельны в цветаевском сказании: сверчок,

знающий свой шесток, и орлица, распростершая над ним крылья.

Можно скептически относиться ко всякой мифологии, но многие мифы, от эллинских и до цветаевских, куда осмысленнее, реальнее нашей жизни и — шире, глубже вдохновляемого ими искусства. Но с этим никогда не согласятся лишенные воображения и не доросшие до понимания поэзии — позитивно мыслящие литературные скопцы — критики или академики.

Штейгер посвятил Цветаевой только одно стихотворение о 60-х гг. (включенное в этот сборник). Оно перекликается с цветаевским благодарственным гимном «Отцам». Отцы:

Поколение без почвы...

Они интеллигенты-идеалисты, и это может показаться странным. Не в обычном значении, а по более точному определению Г. П. Федотова — русская интеллигенция отличалась **идейностью и беспочвенностью**. Поэтому ни Цветаеву, ни Штейгера нельзя назвать интеллигентами. Не было у них общественно-политической идейности, а их почва — предреволюционная культура т. н. Серебряного века. Но вот что подчеркнуто обоими: честность, прямоту, жертвенность старых интеллигентов-отцов. Здесь Штейгер совпадает с Цветаевой, хотя он прославляет не идеалистов, а интеллигентов 60-х гг. и, при этом, забывает об их пренебрежении и даже презрении к разным стишкам (за исключением некрасовских). Или же — Штейгер имел здесь в виду не нигилистические 60-е годы, а скорее всего народнические 70-е и 80-е... Это —

Мысли о младшем страдающем брате,
Мысли о нищеге жалкой суме.

О позабытом в больничной палате,
О заключенном невинно в тюрьме.
И о погибших во имя свободы,
Равенства, братства, труда.
Шестидесятые годы...
(«Сентиментальная ерунда»?).

Опять эти штейгеровские скобки... Не потому ли, что это стихотворение показалось ему слишком программно нравоучительным, да еще с «громкими словами» — лозунгами. А Цветаевские стихи, посвященные идеалистическим «отцам», одушевлены лирикой сердца. Но, несомненно, Штейгер, как и Цветаева, всегда жалел и слушал голос совести.

Многие современные поэты увлекаются Цветаевой и находятся под сильным воздействием ее поэзии, но не замечают унаследованной ею отцовской совести, и самое это слово, как и жалость, исключают из своего обихода и словаря. Модны всякие декадентские гротески и давно уже увядшие цветы зла, похищенные у немецких экспрессионистов или французских сюрреалистов, а также — путанные поверхностные вещания едва ли во что-либо верующих «метафизиков» — поэтов и художников. А о Штейгере они, вероятно, даже не слышали. (Между тем, в Москве его стихи читают...).

Штейгер никаких героев не воспевал. Цветаева была смолоду героична. В юности паче меры возлюбила Наполеона, а он был «хищный тип», как и многие другие ее герои, будь то Тезей или Зигфрид. Правда, их хищности она не замечала, и ей ближе всего были их трагические концы. Но вот пожалела больного Сироту — Штейгера или свою московскую подругу актрису Сонечку Голидей (в Повести и стихах, ей посвященных).

Жалость — тихое чувство, а жалеющая Цветаева гремела в поэзии, но не было никакой фальши в ее лирических «громких словах», пугавших Адамовича и Штейгера, которые не могли ее понять в поэзии, как и она их.

Цветаева утверждала: она будет спасена на вымышленном ею Страшном суде слова, но не была уверена в спасении на Судилище Христовом. А цветаевская и штейгеровская жалость, совесть, не так уж типичны для русских интеллигентов: это, прежде всего, евангельская жалость (что понимали Короленко или Надсон).

Оба жалели: но у обоих не было веры в торжество деятельной любви, и в Воскресение Христово. Это, конечно, говорится не в укор: могут быть спасены и неверующие в спасение — и в Бога. У Творца своя мера: более суровая в Ветхом Завете и щедро милующая в Новом Завете. Одно очевидно: Марина Цветаева и Анатолий Штейгер знали: нет ничего выше жалости и любви, под которой иногда подразумевается не любовь, а нечто, ничего общего с ней не имеющее. Цветаева (не Штейгер) знала соблазны искусства, но, в основном, громкая цветаевская поэзия, как и тихая штейгеровская — есть поэзия добра и света.

Я знаю Анатолия Штейгера по многим изустным отзывам о нем Г. В. Адамовича и других парижан или по воспоминаниям З. А. Шаховской. Мы с ним не встречались, но переписывались в 30—40-х гг., и его письма сохраняются в архивах Йельского университета. Штейгер писал мне на небольших картонах с выгравированным

на них баронским гербом. Были у него черты снобизма и дендизма, а его монархические симпатии — преимущественно эстетические. Некоторым декадентством отзывается его юношеское стихотворение, обращенное к прекрасному и надменному Габсбургу:

У него было мало друзей,
Были только влюбленные слуги.
Я хожу теперь часто в музей
Проводить перед ним все досуги.

Есть здесь та красивость, которую он позднее, и не без влияния Адамовича, вытравил из своих стихов.

Штейгер в жизни и Штейгер в поэзии — не совпадают. Но здесь нет двойственности, двуличности. Отдавая дань всему житейскому, он всё лучшее в себе вкладывал в стихи.*

Юрий Иваск.

* Одна из лучших статей, посвященных Анатолию Штейгеру написана Г. В. Адамовичем. Она включена в его книгу *Одиночество и свобода*. Н. Й., Изд-во им. Чехова, 1953, стр. 286—290. (Прим. Ю. И.).

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Бывает чудо, но бывает раз,
И тот из нас, кому оно дается,
Потом ночами не смыкает глаз,
Не говорит и больше не смеется.

Он есть и пьет — но как безвкусен хлеб...
Вино совсем не утоляет жажды.
Он глух и слеп. Но не настолько слеп
Чтоб ожидать, что чудо будет дважды.

Венеция, 1937

Подумай, на руках у матерей
Всё это были розовые дети.
И. Анненский

Никто, как в детстве, нас не ждет внизу.
Не переводит нас через дорогу.
Про злого муравья и стрекозу
Не говорит. Не учит верить Богу.

До нас теперь нет дела никому —
У всех довольно собственного дела,
И надо жить, как все, — но самому...

(Беспомощно, нечестно, неумело).

* * *

Нет в этой жизни тягостней минут,
Чем эта грань — не сон и не сознанье.
Ты уж не *там*, но ты еще не *тут*,
Еще не жизнь, уже существованье.

Но вот последний наступает миг,
Еще страшнее *этих* — пробужденье.
Лишь силой воли подавляешь крик,
Который раз дозволен: при рожденьи.

Пора вставать и позабыть о снах,
Пора понять, что это будет вечно.
Но детский страх и наши боль и страх
Одно и то же, в сущности, конечно.

Sagt der kleine Marquis:
Ihr seid sehr jung, Herr.
Rainer Maria Rilke.

Все писали стихи
В восемнадцать лет:
В восемнадцать лет
Каждый поэт.

Все мечтали о звездах,
О любви неземной,
О пылающих розах
На доске гробовой.

И пленительной дружбе —
Лучшем даре небес.
В автобусе, на службе
Ожидали чудес...

Все писали стихи
В восемнадцать лет,
Потому что всегда
Каждый мальчик поэт.

И мечтает о звездах,
О любви и стихах,
Пока взрослым не станет
И звезда не рассыпется
В прах.

Париж, 1931

* * *

Настанет срок (не сразу, не сейчас,
Не завтра, не на будущей неделе),
Но он, увы, настанет этот час, —
И ты вдруг сядешь ночью на постели
И правду всю увидишь без прекрас,
И жизнь — какой она на самом деле...

Берлин, 1935

Опять Сентябрь. Короткий промежуток
Меж двух дождей. Как тихо в Сентябре.
В такие дни, не опасаясь шуток,
Мы все грустим о счастье и добре.

В такие дни все равно одиноки:
Кто без семьи, и кто еще в семье.
Высокий мальчик в школе на уроке
Впервые *так* согнулся на скамье.

Старик острее помнит о прошедшем.
О, если б можно сызнава начать
И объяснить, что он был сумасшедшим...
Но лучше скомкать всё и замолчать.

А в поле сырость, сумерки, безмолвье,
Следы колес, покинутый шалаш.
Убогим хлеба, хворому здоровье
И миру мир Ты никогда не дашь.

Корфу, 1938

Ки. Н. П. Волконской

До того как в зеленый дым
Солнце канет и сумрак ляжет,
Мы о лете еще твердим.

Только скоро нам правду скажет
Осень голосом ледяным...

Только утро любви не забудь.
И. Анненский.

Только утро любви не забудь,
Только утро, — как нищая в храме,
Мы внезапно схватившись за грудь,
Ничего не увидим за нами.

Будет серая тьма жестока
И никто нам уже не поможет,
Лишь прохожий, что два медяка
На глаза, а не в чашку положит.

* * *

Мимолетные встречи — всегда на виду.
Торопливые речи — всегда на ходу.
— «Если будет возможно, конечно, приду».

Не придет...
На моем двадцать пятом году
Я себя как дурак, как девчонка веду...

* * *

Конечно, счастье только в малом...
«Нам нужен мир». Не нужен. Ложь.
Когда движением усталым
Ты руки на плечи кладешь...

И на лице твоём ни тени
Того, что предвещает страсть.
Но смесь заботы, грусти, лени...

Закрыть лицо в твои колени,
К твоим ногам навек припасть...

* * *

Слабый треск опускаемых штор,
Чтобы дача казалась незрячей,
И потом, точно выстрел в упор —
Рев мотора в саду перед дачей.

...И еще провожающий взор
Безнадежный, тоскливый, собачий.

* * *

Мы верим книгам, музыке, стихам,
Мы верим снам, которые нам снятся,
Мы верим слову... (Даже тем словам,
Что говорятся в утешенье нам,
Что из окна вагона говорятся)...

Марсель, 1933

* * *

Неужели Сентябрь? Неужели начнется опять
Эта острая грусть, и дожди, и на улице слякоть...
Вечера без огня... Ведь нельзя постоянно читать.

Неужели опять, чуть стемнело,
ничком на кровать —
Чтобы больше не думать, не слышать
и вдруг не заплакать.

«Попрыгунья стрекоза
Лето красное пропела»
...опускаются глаза,
Тихо катится слеза
По щеке, по загорелой.

Сердце попусту боролось —
Наступил последний срок.
Ждать чтоб все перемололось
Не по силам. Сорван голос.
Ты забывчив и далек.

Осень стала у ворот,
Листья мертвые в подоле.
Кое-кто ей подает.
(Никогда он не поймет
Этой нежности и боли).

Видно песенка допета
Вся до самого конца.
Не вернется больше лето...
Неумыта — неодета
Осень стала у крыльца.

* * *

В сущности так немного
Мы просим себе у Бога:

Любовь и заброшенный дом,
Луну над старым прудом
И розовый куст у порога.

Чтоб розы цвели, цвели,
Чтоб пели в ночи соловьи,
Чтоб темные очи твои
Не поднимались с земли.

Немного? Но просишь года,
И в Сене бежит вода
Зеленая как и всегда.

И слышится с неба ответ
Не ясный. Ни да, ни нет.

1930

* * *

Не получая писем, сколько раз
Мы сочиняли (в самоутешенье?..)
Наивно-драматический рассказ
Про пистолет, болезнь или крушение...

Отлично зная — просто не до нас.
(Но уж не в силах обойтись без фальши,
Поверить правде до конца страшась,
Не смея думать, что же будет дальше)...

Хейлиген Швенди, 1936

* * *

Не поверю, чтоб в целой Праге
Не нашелся за этот срок
Карандаш и листок бумаги.

Или требуют десять строк
Столько времени, сил, отваги?

* * *

Так от века уже повелось,
Чтоб одни притворялись и лгали,
А другие им лгать помогали,
(Беспощадно всё видя насквозь) —
И всё вместе любовью звалось...

Рим, 1934

ДРУЖБА

1

Где-то теперь мой друг?
Как-то ему живется?
Сердце, не верь что вдруг
В двери раздастся стук:
Он никогда не вернется.

Мне ли, себе на зло?
(Или ему повезло).

2

Одна мечта осталась — о покое.
Не надо дружбы, все слова пусты,
И это слово — самое пустое.

(Для дружбы надо, чтобы было двое,
Одним был я, другим был воздух: ты).

Ницца, 1934

* * *

Не эпилог, но все идет к концу.
Мы встретимся. Я очень побледнею.
По твоему надменному лицу
Мелькнет досада на мою «затею».

На мой приезд — бессмысленный приезд,
На то, что жить как люди не умею,
— Что за охота к перемене мест?

...а если вариант: с ума сводящий жест —
Объятье грубоватое за шею?

Прага, 1935

* * *

До вечера еще такой далекий срок,
Еще так много лжи, усталости и муки,
А ты уже почти совсем свалился с ног
И, двери заперев, тайком ломаешь руки.

Как будто бы помочь сумеет здесь засов,
Как будто жизнь пройти не может через щели.
Сдавайся по добру! И несколько часов
Тяни еще как все, хотя бы еле-еле.

* * *

Бедность легко узнают по заплатке.
Годы — по губ опустившейся складке.
Горе?

но здесь начинаются прятки —
Эта любимая взрослых игра.

— «Всё, разумеется, в полном порядке».

У собеседника — с плеч гора.

60-е ГОДЫ

М. Цветаевой

В сущности, это как старая повесть
«Шестидесятых годов дребедень»...
Каждую ночь просыпается совесть
И наступает расплата за день.

Мысли о *младшем страдающем брате*,
Мысли о нищего жалкой суме,
О позабытом в больничной палате,
О заключенном невинно в тюрьме.

И о погибших во имя свободы,
Равенства, братства, любви и труда.

Шестидесятые вечные годы...

(«Сентиментальная ерунда»?)

КЛАДБИЩЕ

(Из agenda)

1

Жизнь груба. Чудовишно груба.
Выживает только толстокожий.
Он не выжил. Значит — не судьба.
Проходи, чего стоять, прохожий.

2

Как он прощаясь не сошел с ума.
Как он рыдал перед могилой свежей.
Но время шло. Он ходит много реже.
— Забудь, живи, молила ты сама.

3

Возле могил для влюбленных скамейки.
Бегают дети и носят песок.
Воздух сегодня весенний, клейкий,
Купол небес как в Апреле высок.

4

Склеп возвели для бедняжки княгини,
Белые розы в овальном щите.
Золотом вывели ей по латыни
Текст о печали, любви и тщете.

5

В самом конце бесконечной аллеи,
Там где сторожка, а дальше обрыв,
Черные долго толпятся евреи...
Плачут. Особый горчайший надрыв.

6

Долго подняться она не могла.
Долго крестила могилу шатаясь.
Быстро спускалась осенняя мгла.
Издали сторож звонил надрываясь.

7

Речи. Надгробные страшные речи.
Третий болтун потрясает сердца.
Сжальтесь! Ведь этот худой, узкоплечий
Мальчик сегодня хоронит отца.

8

Преступленья, суета, болезни,
Здесь же мир, забвение и тишь.
Ветер шепчет: — Не живи, исчезни,
Отдохни, ведь ты едва стоишь.

Афины, 1939

* * *

Уходила земля, голубела вода,
Розоватая пена вздымалась.
Вместо сердца — кусочек холодного льда,
Сердце дома, наверно, осталось.

Время шло, но последний томительный год
Был особенно скучен и долог.
Горечь все наплывала, копилась и вот
Оживать стал прозрачный осколок.

И забился как сердце. Но только больней
Угловатые стенки кололи.
Так прибавились к боли привычной моей
Капли новой томительной боли.

* * *

Неужели ты снова здесь?
Те же волосы, рост, улыбка...
Неужели...

И снова смесь
Пустоты и тоски — ошибка.

Как-то сразу согнешься весь.

* * *

Может быть это лишь заколдованный круг
И он будет когда-нибудь вновь расколдован.
Ты проснешься... Как все изменилось вокруг!
Не больница, а свежий некошенный луг,
Не эфир — а зефир... И не врач, а твой друг
Наклонился к тебе, почему-то взволнован.

Берн, 1936

РАСПИСАНИЕ

Надо составить опять расписание —
В 8 вставание, в 9 гуляние.
После прогулки — работа. Обед.

Надо отметить графу для прихода,
Рядом оставить графу для расхода
И для погоды — какая погода.

За неимением занятия лучшего,
Можно составить на двадцать лет.
Вечером — чтение вечерних газет.

И не читать, разумеется, Тютчева.
Только газеты... И плакать — запрет.

Париж, 1937

* * *

Как нам от громких отучиться слов:
Что значит «самолюбье», «унижение».
(Когда прекрасно знаешь, что готов
На первый знак ответить, первый зов,
На первое малейшее движение)...

* * *

1

Задрезбезджит на лестнице звонок.
Она войдет. Присядет. Что-то скажет.
За нею следом принесут венок.
На стол с постели кто-то переляжет.

Три долгих дня пройдут до похорон.
Три дня его не вынесут из дому.
Но ничего уж не исправит он...
И как ему исправить, неживому?

2

Его проводят. Кто-нибудь придет
К нему, быть может, и на завтра в гости.
Но очень скоро, мертвый, он поймет,
Что он на самом деле на погосте,

И что пока не запоеет труба,
Он обречен сносить воспоминанье,
Как поцелуй его коснулся лба,
Но возвратить уже не мог дыханья...

ВЕСНА 1932

1

Снова в Париже весна начинается
Очень застенчива, очень слаба.
Что-то как будто бы даже меняется...
Уж не судьба ли? едва ли судьба...

2

Все-таки нас это тоже касается:
Ландыши, что продают на мосту;
Лица прохожих; их взгляд, что встречается;
Облако; день, что за днем удлиняется;
Русские службы (вечерня в Посту)...

3

Жизнь, — в этой жизни всегда невесело,
Мир оказался серьезней, умней...
Сердце давно все измерило, взвесило,
Даже весну — и тоску, что в ней...

СВАДЬБА

1

Всё в этом мире случается,
Всё непонятно для нас.
Пышной свадьбой кончается
Каждый хороший рассказ.

Вот понесли за невестою
Шлейф и вуаль, и цветы.
Перед дорогою крестною
Стала прекраснее ты.

Узкие кольца меняются,
Сказано мертвое да.
Повесть на этом кончается...

Падает с неба звезда
И на куски разбивается.

2

Священник ведет новобрачных.
Растерянный взгляд жениха.
Как облаком, тканью прозрачной,
Невеста одета, тиха.

Все тленно. Конечно изменит
Она ему через год.
Но чем этот мальчик заменит
Все то, что он нынче не ценит,
Все то, что он ей отдает?

Давос, 1929

* * *

Четыре часа утра.
На небе бледнеет звезда.
Упрямая линия рта,
Пробора прямая черта.

— А все же любовь одна,
Я верю любви до конца.
Шампанское. «Пей до дна».
На нем уже нет лица.

Любовь, опустишь, припади,
Крылом своим легким задень...
...Но пятна на белой груди,
Но черный цилиндр набекрень.

Зови не зови — не придет.
Упрямее линия рта.
Так каждую ночь напролет,
Так каждую ночь — до утра.

* * *

Если правда, что Там есть весы,
То положат бессонницу нашу,
Эти горькие очень часы
В оправданье наше на чашу.

Стоит днем оторваться от книг
И опять (надо быть сумасшедшим)
Призадуматься — даже на миг,
Над — нелегкое слово — прошедшим,

Чтоб потом не уснуть до зари,
Сплошь да рядом уже с вероналом...

Гаснут в сером дыму фонари.
Подбодрись! Не борись. И гори
Под тяжелым твоим одеялом.

Сараево, 1937

Всегда платить за все. За все платить сполна.
И в этот раз опять я заплачу, конечно,
За то, что шелестит для нас сейчас волна,
И берег далеко, и Путь сияет Млечный.

Душа в который раз как будто на весах:
Удастся или нет сравнять ей чашу с чашей?
Опомнись и пойми! Ведь, о таких часах
Мечтали в детстве мы и в молодости нашей.

Чтоб так, плечом к плечу, о борт облокотясь,
Неведомо зачем плыть в море ночью южной,
И чтоб на корабле все спали, кроме нас,
И мы могли молчать, и было лгать ненужно...

Облокотясь о борт, всю ночь, плечом к плечу,
Под блеск огромных звезд и слабый шелест
моря...

А долг я заплачу... Я, ведь, всегда плачу.
Не споря ни о чем... Любой ценой... Не споря.

Рагуза, 1938

* * *

Мы ничего не знаем,
Мы ничего не слышим,
Грезят о чуждом рае
Святые по темным нишам.

Пыль на июльской дороге
Нежит ленивые ноги.
Низкое солнце брезжит
На монастырском пороге.

Пахнет горошком, левкоем,
Долгою сухостью лета.
Мы же воздушные замки
Строим, — и платим за это.

Моравская Тшебова, 1930

* * *

Как закричать, чтоб донеслось в тюрьму
За этот вал и через стены эти,
Что изменили здесь не все ему,
Что не совсем покинут он на свете?

Я видел сон, что я к тебе проник,
Сел на постель и охватил за плечи.
(Ведь он давно, наверное, отвык
От нежности и тихой братской речи).

Но дружба есть, на самом деле есть,
И нежность есть, стыдливая, мужская...
Не долг, а честь, особенная честь,
Напомнить это, глаз не опуская.

Брюссель, 1935

* * *

1

Стало сердце осторожным,
Утомилось, глуше бьется.
Счастья нет. Ну, что ж... С подложным
Очевидно жить придется.

В мире злобном и печальном
Трудно только музыкальным,
Часто очень трудно детям,
Где-то плачет вот ребенок.

Остальные терпят. Стерпим.
Слух у нас не так уж тонок.

2

Но порою слышит спящий
Будто пенье... Эти звуки
Мир не наш. Не настоящий.
Что тянуть к ним праздно руки?

Завтра в них никто не верит,
Ничего не слышат уши.
Ведь не музыкою мерит
Жизнь глухие наши души...

Белград, 1939

* * *

Не обычная наша лень —
Это хуже привычной скуки.
Ни к чему уж который день
Непригодными стали руки.

Равнодушие («ведь, не вернешь»),
Безучастие, безнадежность.
Нежность, нежность! но ты живешь,
Ты жива еще в сердце, нежность?

* * *

Не верю, чтобы не было следа
Коль не в душе, так хоть в бумажном хламе,
От нежности (как мы клялись тогда!),
От чуда, совершившегося с нами.

Есть жест, который каждому знаком —
Когда спешишь скорей закрыть альбом,
Или хотя бы пропустить страницу...
Быть может также, что в столе твоём
Есть письма, адресованные в Ниццу.

И прежде, чем ты бросишь их в огонь
И пламя схватит бисерные строки,
Коснется все же их твоя ладонь
И взгляд очей любимый и далекий.

Париж, 1934

* * *

На прошлое давно поставлен крест,
(Такой, что годы, вот, не разогнуться),
Но проезжая мимо этих мест
Он дал себе зарок — не оглянуться.

Широкий берег, пальмы, казино,
И сразу там... За этим поворотом.
Закрыть глаза. Закрыл... Но все равно,
Раскрывши их, ошибся он расчетом.

И непонятно, как не грянул гром,
Не наступило окончанье света.
Стекло машины обожгло как льдом:

Обыкновенный провансальский дом,
Гараж и сад. Большой плакат «в наем».
Одно мгновенье в общем длилось это.

Ницца, 1937

* * *

Неужели навеки врозь?
Сердце знает, что да, навеки.
Видит всё. До конца. Насквозь...

Но не каждый ведь скажет — «Брось,
Не надейся» — слепцу, калеке...

Париж, 1936

ОСЕНЬ

Уйдем — и никто не заметит,
Придем — и никто нас не встретит,
Никто нам руки не протянет,
Никто нам в глаза не заглянет,
Прощаясь, прощая, встречая...

По небу плывет догорая
Луна. Умирают цветы.
Недвижно ложатся листья.

И осень, упав на колени,
Стучит головой о ступени.

Вена, 1930

* * *

Крылья? Обломаны крылья.
Боги? Они далеки.
На прошлое полный бессилья
И нежности взмах руки.

Заклятье: живи кто может,
Но знай, что никто не поможет,
Никто не сумеет помочь.

А если уж, правда, невмочь —
Есть мутная Сена и ночь.

В. Волкову

1

Первая дружба — навеки,
Детские клятвы — до гроба...
Где ты теперь, мой друг?

Взрослыми стали оба,
Грустными стали оба,
Фронты, моря и реки
Нас разделили вдруг.

2

Стоило ночи скакать на коне,
Дни проводить в пулеметном огне
(С Белыми, Красными) и на войне
Между Россией и Польшей...

Чтобы домой наконец возвратясь,
Вдруг на себя бы рука поднялась...

Так и не свиделись больше.

* * *

Куда еще идти по бездорожью,
Какой еще довериться судьбе...
Всего не объяснить однако ложью...
И разве он хоть раз солгал себе?

Но эта вдруг внезапная усталость
И боль, непостижимая уму...
Хотя порой нужна такая малость...

Спокойно спи! Мир праху твоему.

Константинополь, 1939

* * *

Это всем известно при прощаньи:
Длинное тяжелое молчанье,
Хоть чего-то все ж не досказал...
Обещанья? Сколько обещаний
Мне давалось... Сколько я давал.

О, не даром сердце тайно копит
И от всех ревниво бережет
Самое мучительное — опыт...
Он один нам все-таки не лжет.

Главное: совсем не обольщаться.
Верить только в этот день и час.
Каждый раз как бы навек прощаться,
Как навек прощаться каждый раз...

Париж, 1936

* * *

Уже не страх, скорее безразличие —
Что им до нас, спокойных и серьезных?
Есть что-то очень детское и птичье
В словах, делах и снах туберкулезных.

Особый мир беспомощных фантазий
И глазомера ясного до жути,
Всей этой грусти, нежности и грязи,
Что отмечает в трубке столбик ртути.

Прага, 1935

СЕНТЯБРЬ

Ты знаешь, у меня чахотка
И я давно ее лечу.

Р. Ивнев

Первый чуть пожелтевший лист
(Еле желтый — не позолота),
Равнодушен и неречист
Тихо входит Сентябрь в ворота.

И к далекой идет скамье...
Нежен шелест его походки.
Самый грустный во всей семье.
В безнадежности и в чахотке.

Этот к вечеру легкий жар,
Кашель ровный и суховатый...
Зажигаются как пожар
И сгорают вдали закаты.

Сырость, сумрак. Последний тлен
И последняя в сердце жалость...
Трудно книгу поднять с колен
Чтоб уйти, такова усталость.

* * *

Снова осень и сердце щемит —
Здесь сильнее дыхание грусти.
Эти дни хорошо проводить
Где-нибудь далеко в захолустьи.

Очертания острые крыш...
В небе ратуши темные башни.
Легкий сумрак... Стоишь и стоишь,
Заглядевшись на камни и пашни.

Вдаль уходят пустые поля,
Темнота опускается ниже...
Как ни странно, но все же земля
С каждым годом нам будто все ближе.

* * *

Перемена людей и мест
Не поможет. Напрасно бьешься.
Память — самый тяжелый крест...
Под кладбищенским разогнешься.

* * *

Время — искусный врач,
Лечит от всех неудач,
Лечит от всех забот.

Скоро и глупый плач
Ночью (во сне) пройдет.

* * *

Мы уходя большой костер разложим
Из писем, фотографий, дневника.
Пускай горят...
Пусть станет сад похожим
На крематориум издалека.

Я выхожу из дома не спеша.
Мне некуда и не с чем торопиться.
Когда-то у меня была душа,
Но мы успели с ней наговориться.

Так, возвратясь с работы, старый муж
Сидит в углу над коркою ржаною,
Давно небрит, измучен, неуклюж,
И никогда не говорит с женою.
Да и она измучена, стара...

А, ведь, была как будто бы пора...

Теперь совсем иная наступила.
И ни к чему была бы здесь игра...
И чтоб играть нужна к тому же сила.

...бродить в полях, но только одному.
Не знать часов. Без цели, без дороги.
Пока в сентябрьском палевом дыму
Не сгинет лес. Покаместь носят ноги.
Пока внизу не заблестят огни,
Не запоеет сирена на заводе...

Но разве в этом мире мы одни
За городом в такие точно дни
Искали что-то, только что? в природе.

Загреб, 1938

Памяти Ю. Коровина

1

...Только сердце — брошенная чурка —
Привыкает мучиться и лгать.
Но тебе об этом, милый Юрка,
Никогда, наверно, не узнать...

2

Ничего «на следующий день»,
Ничего «на завтра» — всё сейчас же.
Несмотря на утомленье, лень,
Или боль, физическую даже.

У меня был очень близкий друг,
Я никак не мог к нему собраться,

— Далеко... Погода... Недосуг.
Что теперь за голову хвататься?

Мор. Тшебова — Париж
1926—40

* * *

Были очень детские мечты,
Были нежность, дерзость и тревога,
Было счастье: был со мною ты...
Было всё и даже слишком много.

Было нам по восемнадцать лет,
Нам казалось это будет вечно.
Но растаял даже легкий след,
Точно утром Путь растаял Млечный.

Я уже не плачу о былом.
Видно так угодно было Богу,
Чтобы с каждым часом, каждым днем
Мы себя теряли понемногу.

Года и на тебе оставили свой след,
Бороться против них никто, увы, не в силе.
Не бойся — не черты. Твои черты... О, нет,
Они сейчас еще прекраснее, чем были.

Но уж одно, что ты сейчас со мною здесь
И больше никого тебе еще не надо,
И что за целый день и, вот, за вечер весь,
Ни разу на часы ты не бросаешь взгляда...

И понемногу мной овладевает страх
И в памяти встает старинное поверье:
Счастливый никогда не вспомнит о друзьях,
Счастливый никогда не постучится в двери.

Я ждал тебя пять лет. Но рад и десять лет,
И всю бы жизнь прождать в напрасной лихорадке,
Лишь только б знать, что нет, на самом деле нет
Ни капли истины в моей больной догадке...

Париж, 1938

* * *

Всё об одном... На улице, в бюро,
За книгой, за беседой, на концерте.
И даже сны... И даже (как старо!)
Вот вензель чертит и сейчас перо.

И так — до смерти. Да и после смерти...

* * *

Дошел и до него уже, увы, черед...
Совсем не тот задор, не очень крепко спится.
Он больше не дитя. Ему тридцатый год.
Давно уже пора настала протрезвиться.

Из-за него лилось уже немало слез.
На памяти о них не зажили ожоги.
В процессии ему не раз уж довелось
Понуро провожать кладбищенские дроги.

Он часто видит сны и замирая весь,
В передрабасветном сне, в особенности тонком,
Встречает снова тех, кто был когда-то здесь,
Тех, кто его любил, когда он был ребенком.

Во сне и наяву, с собой наедине,
Он долгий счет ведет ошибкам и потерям.
Да, я был виноват... Да, по моей вине...
Как мало любим мы! Как скупо нежность мерим.

* * *

Только след утихающей боли...
С каждым валом — слабей валы.
Легкий сумрак. В осеннем поле
Тянут медленный плуг волю.

Между небом и между нами
Заполняется мглой провал.
Мы во всем виноваты сами,
Ты у нас ничего не брал...

Тишина. Тишина такая,
Тишина на земле и в нас,
Словно в мире совсем иная
И хорошая жизнь велась.

Словно осенью мы не те же,
А серьезнее и грустней...
О себе вспоминаем реже,
Вспоминаем Тебя ясней.

БЕССАРАБИЯ

1

Две барышни в высоком шарабане,
Верхом за ними двое панычей.
Всё как в наивно-бытовом романе,
Минувший век до самых мелочей.

И не найти удачней декораций:
Дворянский дом на склоне у реки,
Студент с начала самого вакаций,
Фруктовый сад, покосы, мужики.

Но в чем-то все же скрытая подделка
И вечный страх, что двинется сейчас
По циферблату роковая стрелка...
Уж двадцать лет она щадила нас.

2

Вечером выйдем гулять по меже.
Сторож внезапно возникнет из мрака.
Спросит огня. Мы закурим. Уже
Осень вблизи дожидается знака.

Ночью иначе звучат голоса,
Глухо и даже немножко тревожно.
Каждая пауза четверть часа...
Можно о многом сказать односложно.

Речь про дожди, урожай, молотьбу,
(Сдержанно, чинно, ответы — вопросы),
Речь про крестьянскую боль и судьбу...
Лиц не видать. Огонек папирасы.

Красный, тревожный, ночной огонек.
Запах полыни и мокрой овчины.
Терпкая грусть — очень русский порок.
Грусть без какой-либо ясной причины.

3

Лес вдали стоит уже немой.
Легкий сумрак. Очень низко тучи.
Я не знаю, что опять со мной.
Быть беде... И скоро. Неминучей.

От костра идет широкий дым.
Пастушонок охватил колени.
Он молчит. Мы часто с ним сидим.
Тихий вечер в поле предосенний.

Мягкий профиль русского лица.
Пастушка зовут как в сказке — Ваней.
Так сидеть бы с Ваней без конца.
Не забыть мне наших с ним молчаний.

Дома будут речи про войну, —
Уберечь уже не может чудо...
На рассвете все же я засну.
Буду спать тревожно, чутко, худо.

4

Не откроют на окнах ставней,
Печи жарко не будут топиться.
И мечте нашей, очень давней,
Не судьба уж теперь воплотиться.

Первый раз Рождество в усадьбе...
Пантелей, наряженный медведем.
И гаданья (о нашей свадьбе?),
На которую мы, вот, не едем...

И трещали б морозы грозно,
И метель завывала бы жутко...
Я об этом мечтал серьезно...
Жизнь решила — нелепая шутка.

Непоротово, август 1939

* * *

За 30 лет, прожитых в этом мире,
Ты мог понять и примириться мог,
Что счастья нет, что $2 \times 2 = 4$,
А остальное — трусость и подлог.

За вздор, что нам рассказывала нянька,
Не раз, не два мы разбивали лоб.
Но зашатавшись с горя, ванька-встанька
Опять встает, — и так по самый гроб.

Душа давным-давно окаменела,
Но ведь живут годами без души,
Пока еще не износилось тело,
И легкие и сердце хороши.

* * *

Нам в этом мире все давно чужи.
Мы чьи-то жмем бессмысленные руки,
Мы говорим, смеемся... Сколько лжи
И сколько в этом настоящей муки.

Но если раз, единый только раз
Мы наяву Тебя случайно встретим —
Толпа сомкнется и разделит нас.

Давно пора бы примириться с этим.

Лондон, 1932

* * *

Слезы... Но едкие взрослые слезы.
Розы... Но в общем бывают ведь розы —
В Ницце и всюду есть множество роз.

Слезы и розы... Но только без позы,
Трезво, бесцельно и очень всерьез.

Е. Н. Демидовой

...Наутро сад уже тонул в снегу.
Откроем окна — надо выйти дыму.
Зима, зима. Без грусти не могу
Я видеть снег, сугробы, галок: зиму.

Какая власть, чудовищная власть
Дана над нами каждому предмету —
Термометру лишь стоит в ночь упасть,
Улечься ветру, позже встать рассвету...

Как беззащитен в общем человек,
И как себя он не считая тратит...
— На мой не хватит, или хватит век,
Гадает он. Хоть знает, что не хватит.

Берн, 1934

* * *

Не до стихов... Здесь слишком много слез
В безумном и несчастном мире этом.
Здесь круглый год стоградусный мороз
Зимою, осенью, весною, летом.

Здесь должен прозой говорить всерьез
Тот, кто дерзнул назвать себя поэтом.

* * *

Глупо, смешно и тяжело
Помнить годами вздор:
Синюю эту рубашку,
Синий ее узор.
Ворот ее нараспашку.
Пояс. На поясе пряжку.

Переживи, переживи.

Тютчев

Здесь главное, конечно, не постель...
Порука: никогда твое не снится тело.
И, значит, не оно единственная цель...
Об этом говорить нельзя, но наболело...

Я бы не брал теперь твоей руки...
Упорно не искал твоих прикосновений.
Как будто невзначай — волос, плеча, щеки...
Не это для меня теперь всего бесценней.

Я стал давно грустнее и скромней.
С меня довольно знать, что ты живешь на свете.
А нежность и всё то, что в ней и что *над* ней
Привыкла ничего не ждать за годы эти.

Так мало надо, в общем, для любви...
Чем больше отдает — тем глубже и сильнее.
Лишь об одном молюсь и день и ночь: живи,
А где и для кого — тебе уже виднее...

* * *

1

Будь что будет теперь до конца —
Всё поднимут покорно плечи.
Ни одной клеветы на Творца
После этой не будет встречи.

...это был лишь короткий миг,
Но он был невозможней, краше,
Чем всё то, что мы знали из книг,
Чем все сны, все надежды наши.

2

Ведь это было, было наяву —
Совсем не сон, совсем не наважденье.
(И я лишь лгу теперь, что я живу
И всех ввожу напрасно в заблужденье).

...но стоит только отойти, присесть,
Закрыть глаза, — чтоб начало казаться,
Что дальше невозможно спать и есть,
Ходить в кафе... Как все, за жизнь хвататься.

* * *

Ночь давно обернулась днем,
Не закрылись глаза за сутки.
Что-то было, наверно, в том
Звуке голоса, смехе, шутке.

...это трудно в слова облечь,
Чтоб увидели, полюбили...
Это надо в себе беречь,
Чтобы вспомнить потом в могиле.

* * *

У нас не спросят: вы грешили?
Нас спросят лишь: любили ль вы?
Не поднимая головы,
Мы скажем горько: — Да, увы,
Любили... как еще любили!..

* * *

Можно пожать равнодушно плечом,
Мимо пройти, не добравшись до связи.
Разум, увы, здесь не будет ключом.
Жизнь точно сон... Не понять в пересказе.

Что-то... О чем-то. Но только о чем?
(И не всегда о какой-нибудь грязи).

Берн, 1939

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Головина. Несколько слов об А. Штейгере	5
Ю. Иваск. Предисловие	7

Стихотворения

«Бывает чудо, но бывает раз...»	21
«Никто как в детстве нас не ждет внизу...»	22
«Нет в этой жизни тягостней минут...»	23
«Все писали стихи...»	24
«Настанет срок . . .»	25
«Опять Сентябрь. Короткий промежуток...»	26
«До того как в зеленый дым...»	27
«Только утро любви не забудь...»	28
2-IX-1932	29
«Мимолетные встречи — всегда на виду...»	30
«Конечно, счастье только в малом...»	31
«Слабый треск опускаемых штор...»	32
«Мы верим книгам, музыке, стихам...»	33
«Неужели Сентябрь? Неужели начнется опять...»	34
«Попрыгунья стрекоза...»	35
«В сущности так немного...»	36
«Не получая писем, сколько раз...»	37
«Не поверю, чтоб в целой Праге...»	38
«Так от века уже повелось...»	39

Дружба

1. «Где-то теперь мой друг?...»	40
2. «Одна мечта осталась — о покое...»	40
«Не эпилог, но все идет к концу...»	41
«До вечера еще такой далекий срок...»	42

«Бедность легко узнают по заплатке...»	43
60-е годы	44
Кладбище (Из agenda)	45
«Уходила земля, голубела вода...»	47
«Неужели ты снова здесь?..»	48
«Может быть это лишь заколдованный круг...»	49
Расписание	50
«Как нам от громких отучиться слов...»	51
1. «Задремлет на лестнице звонок...»	52
2. «Его проводят. Кто-нибудь придет...»	52
Весна 1932	53

Свадьба

1. «Все в этом мире случается...»	54
2. «Священник ведет новобрачных...»	54
«Четыре часа утра...»	55
«Если правда, что Там есть весы...»	56
«Всегда платить за все. За все платить сполна...»	57
«Мы ничего не знаем...»	58
«Как закричать, чтоб донеслось в тюрьму...»	59
1. «Стало сердце осторожным...»	60
2. «Но порою слышит спящий...»	60
«Не обычная наша лень...»	61
«Не верю, чтобы не было следа...»	62
«На прошлое давно поставлен крест...»	63
«Неужели навеки врозь?..»	64
Осень	65
«Крылья? Обломаны крылья...»	66
1. «Первая дружба — навеки...»	67
2. «Стоило ночи скакать на коне...»	67
«Куда еще идти по бездорожью...»	68
«Это всем известно при прощаньи...»	69

«Уже не страх, скорее безразличие...»	70
Сентябрь.....	71
«Снова осень и сердце шемит...»	72
«Перемена людей и мест...»	73
«Время — искусный врач...»	74
«Мы уходя большой костер разложим...»	75
«Я выхожу из дома не спеша...»	76

1. «...Только сердце — брошенная чурка...»	77
2. «Ничего «на следующий день»...»	77

«Были очень детские мечты...»	78
«Года и на тебе оставили свой след...»	79
«Всё об одном... На улице, в бюро...»	80
«Дошел и до него уже, увы, черед...»	81
«Только след утихающей боли...»	82

Бессарабия

1. «Две барышни в высоком шарабане...»	83
2. «Вечером выйдем гулять по меже...»	83
3. «Лес вдали стоит уже немой...»	84
4. «Не откроют на окнах ставней...»	85

«За 30 лет, прожитых в этом мире...»	86
«Нам в этом мире все давно чужо...»	87
«Слезы... Но едкие взрослые слезы...»	88
«...Наутро сад уже тонул в снегу...»	89
«Не до стихов... Здесь слишком много слез...»	90
«Глупо, смешно и тяжело...»	91
«Здесь главное, конечно, не постель...»	92

1. «Будь что будет теперь до конца...»	93
2. «Ведь это было, было наяву...»	93

«Ночь давно обернулась днем...»	94
«У нас не спросят: вы грешили?...»	95
«Можно пожать равнодушно плечом...»	96

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РУССИКА»

- RUSSICA-81.** Литературный сборник. Поэзия, проза, публицистика, мемуары, публикации. 400 стр. \$20.00.
- АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.** Три книги: «Нечистая сила». «Дети». «Пантеон советов молодым людям». 1921—24. / *Переиздание.* 303 стр. \$7.95. *Распродано.*
- ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ.** Рука. (Повествование палача). Роман. 314 стр. \$16.50.
- НИНА БЕРБЕРОВА.** Железная женщина. Роман-биография. 402 стр. \$18.50.
- МИХАИЛ БУЛГАКОВ.** Дьяволиада. М., 1925. / *Переиздание.* Новая красочная обложка и рисунок А. Крынского. 160 стр. \$5.95. *Распродано.*
- МИХАИЛ ДЕМИН.** Блатной. Роман. 364 стр. \$18.50.
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Сети. Первая книга стихов. Берлин, 1923. *Переиздание.* Обложка по оригинальному рисунку Н. Альтмана. 208 стр. \$5.95.
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Нездешние вечера. Стихи 1914—1920. Петербург, 1921. / *Переиздание.* Обложка — по оригинальному рисунку М. Добужинского. 136 стр. \$5.95.
- НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА.** Подготовка текста В. Кабронского. Предисловие проф. В. Раскина. 220 стр. \$6.95. *Распродано.*
- НОВАЯ НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ ЧАСТУШКА.** Сост. В. Козловский. 405 стр. \$15.00.
- БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ.** История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932 г. / *Переиздание.* 374 стр. \$12.00.
- АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.** Россия в письменах. Том 1. Берлин, 1922 / *Переиздание.* С новым предисловием О. Раевской-Хьюз. 222 стр. \$7.95.
- РУССКАЯ ЛИРИКА.** Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост. Кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924. / *Переиздание.* С новым предисловием проф. Глеба Струве. XIII, 21 стр. \$6.95.
- Н. А. ТЭФФИ.** Городок. Рассказы. С новым предисловием Эдит Хейбер. 204 стр. \$7.95.
- ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ.** Собрание стихов. Париж, 1927. / *Переиздание.* 184 стр. \$5.95.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Избранная проза в двух томах. Предисловие И. Бродского. 2 тома, 835 стр. \$35.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 1. Иосиф Бродский. Об одном стихотворении. (Вместо предисловия). Виктория Швейцер. «Своими путями». (Биографический очерк). «Вечерний альбом». «Волшебный фонарь». «Юношеские стихи». «Версты 1». (1916). Стихи, не вошедшие в сборники. 402 стр. Тв. пер. \$30.00. Бум. обл. \$25.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 2. Стихотворения 1916—1922 гг.: «Версты 2». «Лебединый стан». «Стихи к Блоку». «Психея». «Ремесло». Стихи, не вошедшие в сборники. 420 стр. Тв. пер. \$30.00. Бум. обл. \$25.00.

АНАТОЛИЙ ШТЕЙГЕР. 2 × 2 = 4. Стихи. 1926—1939 гг. Биогр. заметка А. Головиной. Предисловие проф. Ю. П. Иваска. 104 стр. \$6.95.

WOJCIECH ZALEWSKI. Russian-English Dictionaries with Aids for Translators. A Selected Bibliography. 144 стр. \$7.50.

МАГАЗИН «РУССИКА» ПРЕДЛАГАЕТ:

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА. Двадцать писем к другу. Нью-Йорк, 1981, 216 с. \$10.00.

БОРИС БАЖАНОВ. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Нью-Йорк, 1980. 319 стр. \$15.00.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО. Перед восходом солнца. Под ред. и со вступ. статьей Веры фон Вирен. Нью-Йорк, 1973. 315 стр. \$6.95.

ИНДИЙСКИЕ ТРАКТАТЫ О ЛЮБВИ. Нью-Йорк, 1977, 133 стр. \$4.00.

НИКОЛАЙ КАТЕНЕВ. Костя Попандопуло и я. Нью-Йорк, 1977. 325 стр. \$6.95.

ЭДУАРД ЛИМОНОВ. Дневник неудачника, или Секретная тетрадь. Нью-Йорк, 1982. 249 стр. \$12.50.

ЭДУАРД ЛИМОНОВ. Это я — Эдичка. Нью-Йорк, 1979. 281 стр. \$12.50.

АНАТОЛИЙ ЯКОБСОН. Конец трагедии. Нью-Йорк, 1973. 236 стр. \$6.50

AVRAHAM SHIFRIN. The First Guidebook to Prisons & Concentration Camps of the Soviet Union. Швейцария, 1980. 379 стр. \$11.50.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. Петербург. Авторская инсценировка одноименного романа. Под ред. проф. Джона Малмстеда.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО. Салат из булавок. Рассказы.

НИНА БЕРБЕРОВА. Курсив мой. Автобиография. Издание второе, исправленное и дополненное. С новым предисловием автора.

НИНА БЕРБЕРОВА. Биянкурские праздники и другие рассказы.

ЗИНОВИЙ ЗИНИК. Перемещенное лицо. Роман.

СЕРГЕЙ ПЕТРУНИС. Иероглифы. Первая книга стихов.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. Пляшущий демон. С новым предисловием проф. Владимира Маркова.

РУССКИЙ БЕРЛИН: 1921—1923. Тексты и документы. Под ред. Л. Флейшмана, О. Раевской-Хьюз и Р. Хьюза.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ. Крыса. Подготовка текста и комментарий Роналда Врууна.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Письма Анатолию Штейгеру.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Письма Юрию Иваску.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Проза. Письма. Воспоминания. Сборник новых материалов.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 3. Стихотворения и переводы 1922—1941 гг.: «После России». Стихи и переводы 1922—1941 гг.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 4. Поэмы.

АЛЕКСАНДР ЧАЯНОВ. История парикмахерской куклы и другие сочинения. Предисловие А. В. Бахраха. Очерк творчества Л. Чертова.

ISBN: 0-89830-029-0